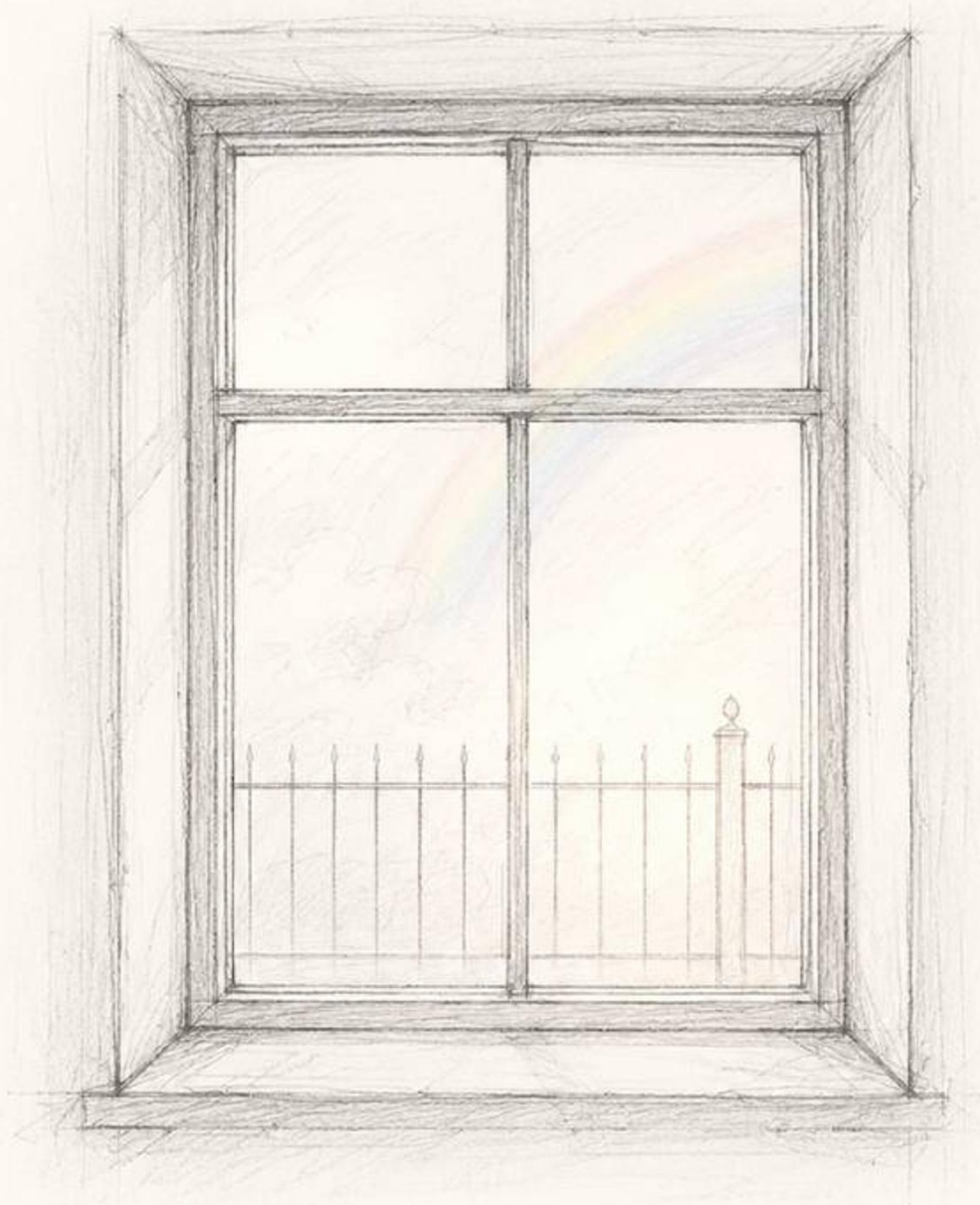

Как кто-то потерял всё и нашёл себя

Иван Андреев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Андреев

**Как кто-то потерял
всё и нашел себя**

«Автор»

2026

Андреев И.

Как кто-то потерял всё и нашел себя / И. Андреев — «Автор», 2026

Иван Андреев приходит в себя в психиатрической больнице и не помнит почти двух недель своей жизни. За это время он успел потерять работу, семью, доверие близких, её и едва не потерял себя. Впереди - месяц среди людей, которых общество привыкло не замечать. Пациенты, санитары, врачи, странные разговоры, больничная еда, три сигареты, чужие истории и маленькие проявления человеческой доброты постепенно возвращают Ивану способность чувствовать, слушать и жить. «Как кто-то потерял всё и нашёл себя» - честная автобиографическая история о психиатрической больнице без романтизации и страшилок. Это книга о вине, одиночестве, любви, попытке начать заново и о том, что иногда путь к себе начинается там, где прежняя жизнь заканчивается.

© Андреев И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Где я	6
Глава вторая. Кто я - I	9
Глава третья. Кто они	12
Глава четвёртая. Кто я - II	15
Глава пятая. Обед	18
Глава шестая. Баня	21
Глава седьмая. Очки	23
Глава восьмая. Ужин	26
Глава девятая. Первая ночь	28
Глава десятая. Понедельник	31
Глава одиннадцатая. Кто я - III	33
Глава двенадцатая. Бригада	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Иван Андреев

Как кто-то потерял всё и нашёл себя

Иван Андреев

Как кто-то потерял всё

и нашёл себя

18+

Книга содержит упоминания о тяжёлом психологическом кризисе и попытках уйти из жизни. Самоубийство не рассматривается как выход или решение. Повествование посвящено обращению за медицинской помощью, лечению и возвращению к жизни.

Часть первая

Глава первая. Где я

Потолок пристально буравил меня подозрительным взглядом потолочной плитки.

Нет, глаза я не открыл. Я просто очнулся.

Такое иногда бывает: задумаешься о чём-нибудь, а потом внезапно возвращаешься в реальность. Только обычно между этими событиями проходит секунд десять. В моём случае кто-то явно нажал на паузу и ушёл в отпуск.

Болел желудок. Болела шея. Болели ноги. Причём ноги, кажется, обиделись на меня сильнее остальных органов.

Где я?

Привычной волны паники не последовало.

Это удивило меня даже больше самого вопроса.

Я прислушался.

Кто-то сопел.

Осторожно приподнявшись, я сел на кровати. Палата. Светло-зелёные стены. Четыре железные койки. Одна пустая. На одной лежал я. На двух других мирно спали какие-то парни. Возле моей кровати стояла пустая тумбочка. Почти под самым потолком обнаружилось небольшое окно. Без решёток.

Так... Где я?

Только теперь я почувствовал запах.

Вернее, не запах, а воздух. Хотя воздухом эту смесь аммиака, хлорки, конского пота и вчерашней капусты можно было назвать исключительно из уважения к русскому языку.

Дышалось тяжело.

Кислорода здесь явно не хватало. Как, впрочем, личного пространства и поводов для оптимизма.

Я встал. Или, если быть точнее, предпринял героическую попытку это сделать. Ноги не гнулись. Казалось, ночью их кто-то поменял на две плохо обработанные берёзовые жерди.

Судороги.

Но страха по-прежнему не было.

Вообще.

Это обстоятельство требовало отдельного расследования. Но сначала следовало разобраться с главным вопросом.

Где я?

Двери в палату не оказалось. Вместо неё был широкий проём.

Я выглянул.

Передо мной тянулся длинный коридор. По обеим сторонам располагались одиннадцать таких же открытых проёмов, ведущих в палаты. Но были и другие двери - шесть массивных деревянных дверей без единой ручки.

Я машинально поискал глазами, чем же их открывают.

Не нашёл.

Впрочем, тогда это казалось далеко не самым странным.

Я сделал несколько шагов. Ноги постепенно начали слушаться, хотя двигался я всё ещё с достоинством человека, которому одновременно отлежали обе конечности.

Справа послышалось характерное журчание воды.

Любопытство победило осторожность.

Я повернул голову.

Картина открылась поистине монументальная.

Три фарфоровых брата восседали плечом к плечу, разделённые перегородками настолько символическими, что они скорее скрывали чувство собственного достоинства, чем что-либо ещё.

На противоположной стене красовался длинный, почти во всю стену, писсуар из нержавеющей стали. Правда, местами ржавый. Я не специалист по металлам, но именно тогда впервые понял, что даже нержавейка иногда сдаётся.

Я тяжело вздохнул.

О тайне моих туалетных потуг можно было решительно забыть.

Здесь человек оставался наедине со своими мыслями только до тех пор, пока не хотел в туалет.

В этот момент я услышал шёпот.

Очень тихий. Очень высокий. Такой шёпот, будто человек боялся, что его услышит собственный внутренний голос.

Я резко обернулся.

Передо мной стоял худой, невероятно высокий парень. Настолько высокий, что при встрече с ним хотелось проверить, не забыл ли он где-нибудь свою шею.

Он что-то непрерывно бормотал себе под нос и внимательно меня разглядывал с выражением лица человека, у которого первый пельмень внезапно упёрся в стул.

Мы встретились взглядами.

Он мгновенно развернулся и так же бесшумно удалился в противоположную сторону, продолжая что-то шептать.

На нём была синяя фланелевая пижама в клетку. Катастрофически маленькая. Из-за этого он казался ещё выше.

Где я?..

Пройдя по коридору ещё несколько шагов, я увидел двух женщин в медицинской форме.

Точно.

Я же без очков.

И снова никакой тревоги.

Раньше я бы уже успел мысленно умереть раза три. Сейчас же чувствовал себя подозрительно спокойно.

Я подошёл ближе.

- Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста... где я нахожусь?

Женщина в розовом медицинском костюме внимательно посмотрела на меня.

- Та-а-ак... Добрый день. Иван, ты чего? Шутки у тебя такие?

Я задумался.

Меня здесь знали.

По имени.

Это открытие нравилось мне всё меньше.

- Простите, - сказал я после небольшой паузы. - Но я действительно не понимаю, где нахожусь.

Она посмотрела на меня уже совсем иначе.

- Ты находишься в психиатрической больнице. Только я бы на твоём месте этот вопрос больше никому не задавала. А то опять отправят в надзорную палату.

Что такое надзорная палата, я не знал.

Но интуиция подсказывала, что это явно не санаторий.

- Понял, - кивнул я. - Шутка не удалась.

Немного подумал и спросил:

- А покурить можно? Уши уже сворачиваются.

- Может, тебе ещё пива налить? - ответила она тем голосом, которым обычно разговаривают с человеком, десятым за последние полчаса попросившим пятьдесят рублей «исключительно на еду».

- От пива вынужден отказаться, - сказал я максимально серьёзно. - Но сигарета сейчас здорово помогла бы восстановить веру в человечество.

Её взгляд смягчился.

- Позже. Сейчас не поведу.

В этот момент открылась одна из массивных деревянных дверей без ручек.

На пороге появилась дородная женщина неопределённого возраста и таким голосом, которым, наверное, можно было командовать артиллерией, произнесла:

- Андреев! Быстро в палату! До конца сончасы ещё тридцать минут!

- Виноват. Дурак. Исправлюсь, - автоматически ответил я и поспешил обратно.

И только по дороге понял одну любопытную вещь.

На мне была точно такая же синяя фланелевая пижама в клетку.

И она тоже была мне безнадежно мала.

Кажется, с тем высоким гуманоидом у нас было гораздо больше общего, чем мне хотелось.

Глава вторая. Кто я - I

Обратно в свою палату я вернулся не так решительно, как вышел из неё.

Причина была проста: по дороге я успел заглянуть ещё в несколько палат.

Картина везде была примерно одинаковая. Мужчины самых разных возрастов и комплекций. Худые, толстые, молодые, пожилые. Почти все - в одинаковых синих клетчатых фланелевых пижамах. Некоторые были одеты чуть иначе, но создавалось впечатление, что в этом месте существует какой-то строгий дресс-код, утверждённый Министерством психиатрии ещё при Советском Союзе и с тех пор ни разу не пересматривавшийся.

Вернувшись к своей кровати, я сел.

Я решительно не понимал, что со мной произошло.

Снял рубашку.

Осмотрел руки. Грудь. Живот.

Никаких синяков. Ни царапин, ни ссадин. Тело выглядело так, будто его хозяин последние несколько дней вёл исключительно здоровый образ жизни. Сам хозяин, правда, был с этим категорически не согласен.

В углу палаты стояла небольшая раковина.

Я подошёл, открыл кран и подставил ладони.

Вода оказалась холодной.

Замечательно холодной.

Я долго пил маленькими глотками, словно надеялся, что вместе с водой в голову вернётся память.

Не вернулась.

Я снова сел на кровать.

Последнее, что я помнил, - поездку на озеро.

Как возвращался обратно, уже не помнил.

Потом - пустота.

Я прислушался к себе.

Паники не было.

Страха тоже.

Более того, несмотря на боль практически во всём теле, чувствовал я себя великолепно. Даже слишком великолепно. Будто впервые за всю жизнь действительно выпался. Или словно кто-то выключил внутри меня двигатель, который до этого много лет работал без остановки.

Тогда это показалось мне странным.

Сейчас я бы сказал - подозрительным.

Я снова попытался восстановить цепочку событий.

Безуспешно.

В голове вдруг мелькнула простая мысль:

Какое сегодня число?

Ответить на неё было некому.

До конца сончасы оставалось ещё какое-то время.

Я сидел на кровати и перебирал воспоминания, словно старые фотографии.

Родители.

Работа.

Музыка.

Друзья.

Я помнил практически всю свою жизнь.

Кроме одного небольшого эпизода.

Как я оказался в психиатрической больнице.
Именно эта мелочь сейчас интересовала меня больше всего.
Потом в голову пришла другая мысль.
О ней.
Где она?
Знает ли вообще, что я здесь?
Как давно я здесь?
Может быть, я всё это придумал?
Нет.

Я посмотрел на свои руки.
Потом на татуировки.
Они были вполне настоящими.
Получалось, настоящим было и всё остальное.
Кроме одного.
Я отчётливо чувствовал, что совершил что-то очень страшное.
Но совершенно не понимал - что именно.
В дверном проёме появился мужчина лет пятидесяти.

Лицо у него было настолько типично трактористское, что где-то в мире наверняка существовал завод, выпускающий такие лица серийно. Загорелое, обветренное, с честными морщинами человека, который не любил врать и очень любил крепкие напитки сомнительного происхождения.

Он широко улыбнулся.

Осторожно выглянул в коридор, словно проверяя, не подслушивает ли кто, и тихо спросил:

- Ну что, Ваня? Поспать получилось?

Не знаю почему, но я сразу почувствовал к нему доверие.

Есть лица, которым почему-то веришь раньше, чем услышишь первое слово.

- Простите, - сказал я. - Я так понимаю, мы знакомы. Но моя память объявила забастовку и категорически отказывается сообщать мне ваше имя.

Мужчина громко рассмеялся.

- А я сразу говорил, что ты не в себе!

Он протянул руку.

- Ястреб.

Мы пожали руки.

Рука оказалась крепкой.

Такой обычно здороваются люди, которые считают рукопожатие официальным документом.

- Как сам-то, Ваня?

Я честно рассказал ему всё.

Про провал в памяти.

Про отсутствие страха.

Про то, что совершенно не понимаю, где нахожусь и что произошло.

Он слушал внимательно.

Не перебивал.

Потом неожиданно понизил голос.

- Слушай. Только врачу не говори, что ничего не помнишь.

- Почему?

- Потому что обратно в надзорку отправят.

Слово это я уже сегодня слышал второй раз.

- А что такое надзорка?

Ястреб тяжело вздохнул.

- Палата такая. Ты там уже лежал.

- Я?

- Ага. Тебя в пятницу привезли. Мы тебя переодели. Положили туда. Потом врач с тобой поговорил. Через час вывел.

Он покачал головой.

- За все мои ходки сюда такого ни разу не видел. Обычно из надзорки раньше чем через неделю никто не выходит.

Мне стало не по себе. Не страшно - скорее неприятно от того, что моя собственная жизнь была известна постороннему человеку лучше, чем мне самому.

- А почему меня выпустили?

- Врач сказал, что ты адекватный. Что тебе там делать нечего.

Ястреб снова посмотрел в сторону коридора.

- Так что, если память не вернулась, лучше пока молчи. А то решат, что психоз начинается. С твоими габаритами вязать тебя будем всем отделением. Оно нам надо?

Аргумент показался мне достаточно убедительным.

Я немного подумал.

Потом спросил:

- А ты здесь как оказался?

Ястреб пожал плечами.

- Да я алкаш. После Нового года бухал так, что уже почувствовал: белочка собирается в гости. Ну я её ждать не стал. Сам приехал.

Он улыбнулся.

- Я здесь два раза в год лежу. Для меня это почти санаторий. Так что не переживай. Если что - помогу.

В коридоре постепенно становилось шумно.

Сначала появились отдельные шаги.

Потом голоса.

Ещё через пару минут казалось, что весь этаж одновременно решил куда-то идти.

Люди сновали туда-сюда нескончаемым потоком.

Я молча наблюдал за ними через дверной проём.

Ястреб продолжал что-то рассказывать.

Но я его уже почти не слышал.

Слишком много новой информации свалилось на меня за одно утро.

Я понимал только одно.

Память не исчезла.

Она просто аккуратно вырезала самый важный кусок моей жизни.

И теперь мне предстояло найти его самому.

Глава третья. Кто они

Краем глаза я заметил какое-то движение.

На кровати напротив лежал парень лет двадцати четырёх и внимательно смотрел на меня. Без страха.

Без настороженности.

Так, будто мы вчера расстались возле подъезда.

Только сейчас я поймал себя на странной мысли.

Ястреба в палате уже не было.

Я даже не заметил, когда он успел уйти.

Ещё несколько минут назад он сидел рядом, рассказывал мне про надзорку, врачей и местные порядки.

А теперь исчез.

На секунду в голове мелькнула неприятная мысль.

А вдруг его вообще не было?

Я мысленно перебрал весь наш разговор.

Нет... слишком подробно для галлюцинации.

Хотя откуда мне было знать, какими бывают галлюцинации?

Эту мысль я решил пока оставить на потом.

Удивительно, но тревоги она тоже не вызвала.

- Здорово, - сказал парень. - Я вас тут случайно подслушал. Похоже, последствия всё-таки прилетели.

Как я выяснил позже, звали его Данил.

Попал он сюда после весьма своеобразных экспериментов с антидепрессантами. Подробности рассказывать не буду. Во-первых, потому что они не имеют отношения к моей истории. Во-вторых, потому что некоторые книги лучше не превращать в инструкцию по эксплуатации собственной психики.

Данилу было двадцать четыре.

Очень весёлый.

Очень открытый.

И очень потерянный.

Позже я узнал, что у него пограничное расстройство личности.

Тогда я этого, конечно, не понимал.

Но настроение у него менялось быстрее, чем заканчивалось предложение.

Он мог смеяться так, будто выиграл в лотерею, а через полминуты сидеть с таким лицом, словно только что проиграл квартиру.

- Надеюсь, ты таким же весёлым останешься, - сказал он. - Потому что до того, как пришёл в себя, ты мне решительно нравился.

Я не успел ответить.

- Хорош пиздеть... Дайте поспать...

Голос прозвучал справа.

Я повернул голову.

На соседней кровати лежал крепкий мужчина лет тридцати пяти. Такой, про которого сначала думаешь: спортсмен. Потом замечаешь небольшое пузо и понимаешь - бывший спортсмен.

Смотрел он на нас крайне недружелюбно.

Но только до тех пор, пока я не сказал:

- Привет. Прости, пожалуйста. Совершенно не помню, как тебя зовут. Но почему-то очень рад тебя видеть.

Он несколько секунд молча смотрел на меня.

Потом расплылся в улыбке.

- А я сразу понял, что с тобой что-то не так. Не бывает таких людей в таких заведениях.

Он протянул руку.

- Лёха.

Мы поздоровались.

- Лёх, а здесь покурить вообще реально?

Лицо его сразу стало серьёзным.

- Реально.

Я даже обрадовался.

Рано.

- Раз в неделю. На прогулке. Дают пятнадцать минут и три сигареты.

Я быстро посчитал.

Получалось по пять минут на сигарету.

Даже курение здесь происходило строго по нормативам.

- Есть второй вариант, - продолжил Лёха.

- Какой?

- Работать.

- Работать?

На секунду я почему-то представил компьютер, электронную почту и планёрку.

Оказалось, всё было значительно интереснее.

- Полы мыть. После еды помогать убирать. За лежащими дедами ухаживать. Подгузники менять. Генералить палаты. Работы хватает.

Он немного помолчал.

- Только есть нюанс.

После сегодняшнего утра я уже начал понимать, что после слов «есть нюанс» ничего хорошего обычно не следует.

- Официально пациентам работать нельзя. Поэтому всё зависит от того, разрешит ли персонал.

Он внимательно посмотрел мне в глаза.

- Но у нас тут своя бригада. Мы эту работу давно между собой поделили. Не любим, когда кто-то приходит на наше место. Понял?

Ещё несколько дней назад я наверняка почувствовал бы раздражение.

Начал бы спорить.

Что-то доказывать.

Но сейчас мне было абсолютно спокойно.

- Конечно, Лёш, - улыбнулся я. - Чужой хлеб мне не нужен.

Он кивнул.

На этом разговор закончился.

В дверном проёме появилась уже знакомая женщина в розовом медицинском костюме.

- Иван, пойдём.

Причин ей не доверять у меня не было.

Да и спорить с персоналом в психиатрической больнице казалось не самой удачной идеей.

Я молча поднялся и пошёл следом.

Мы остановились возле одной из массивных дверей.

Над ней висела небольшая табличка:

«Ванна».

Женщина достала из кармана внушительную связку ключей.

И тут я наконец понял, куда исчезли все дверные ручки.

Одна из них висела прямо на связке.

Самая настоящая алюминиевая дверная ручка.

Она вставила её в квадратное отверстие, повернула...

Дверь открылась.

Тогда я ещё не знал, что в этой больнице многие вещи сначала кажутся нелогичными. А потом оказывается, что логичнее их придумать невозможно.

Мы вошли.

Она закрыла дверь, достала пачку сигарет, протянула одну мне, вторую оставила себе.

Закурили.

После первой же затяжки ноги стали ватными.

Перед глазами слегка потемнело.

Я машинально опёрся рукой о стену.

И в этот момент в голове прозвучала единственная мысль.

Сколько же времени я здесь не курил?..

Глава четвёртая. Кто я - II

Оказалось, что это была не медсестра.

Это была санитарка.

Звали её Галя.

Добрая, спокойная женщина с тем самым выражением лица, которое бывает у людей, слишком много повидавших, чтобы удивляться чему-либо.

Я решил воспользоваться моментом и попросил её рассказать, как я здесь оказался.

И самое главное - что я натворил.

Информация, которой она располагала, оказалась крайне скудной.

Приехал я пятого июня.

В пятницу утром.

Причём приехал сам.

Хотя слово «сам» здесь имело довольно странное значение.

Я сам вызвал себе скорую.

Сам попросился в психиатрическую больницу.

И, судя по всему, был достаточно убедителен.

За дни, предшествовавшие госпитализации, у меня было три попытки уйти из жизни.

О которых я ничего не помнил.

К моменту поступления моё состояние было тяжёлым, но подробностей Галя не знала.

Почему я это сделал - она тоже не знала.

Да и я пока тоже.

Она знала только одно: мне очень повезло остаться живым.

Последствия могли оказаться необратимыми.

Я слушал её и пытался найти внутри себя хоть какую-то реакцию.

Страх.

Ужас.

Отчаяние.

Что-нибудь.

Но ничего не находил.

Внутри всё ещё было удивительно спокойно.

Галя рассказала ещё одну вещь.

Оказывается, предыдущие смены очень хорошо обо мне отзывались.

Говорили, что я воспитанный.

Спокойный.

Умный молодой человек.

Что я ни с кем не конфликтовал, не кричал, не спорил и вообще не создавал никаких проблем.

Более того, по сменам даже передавалась информация о том, что непонятно вообще, зачем меня сюда положили.

Это звучало странно.

Очень странно.

Потому что я прекрасно понимал: если человек оказывается в психиатрической больнице после трёх попыток уйти из жизни за неделю, просто так туда обычно не попадают.

Остальную информацию Галя предложила узнать у заведующего отделением.

Но до него ещё нужно было дожить.

Он должен был прийти завтра.

Я поблагодарил её за сигарету и попросил разрешения выйти.

Она кивнула.
Я вышел обратно в коридор.
Дошёл до своей палаты.
Зашёл внутрь.
Сел на кровать.
Парни смотрели на меня с плохо скрываемой завистью.
Лёха первым подвёл итог моему путешествию.
- Пиздец ты везучий.
Я посмотрел на него.
- В каком смысле?
- Да в прямом. Из надзорки тебя через час вывели. И санитарки курить водят просто так.
Данил посмотрел на меня с лёгкой обидой.
- Мне даже после работы курить не дают.
Я промолчал.
Не потому что мне было нечего ответить.
Просто я не понимал, как именно на это реагировать.
Это было поводом для радости?
Для гордости?
Или, наоборот, поводом задуматься?
Пока ответа у меня не было.
И тут меня осенило.
Мама.
Мне нужно было позвонить маме.
- Парни, а со звонками как здесь?
Лёха пожал плечами.
- Звонки по пятницам.
Я уже хотел смириться.
- Но можешь попробовать поговорить со старшим братом. Может, разрешат. Хотя это скорее завтра.
Завтра.
Это слово здесь начинало приобретать какое-то особое значение.
Будто все важные вещи в этой больнице существовали только после него.
Я понял, что мне нужно чем-то занять голову.
Потому что сидеть и бесконечно пытаться восстановить память было бесполезно.
- А книги здесь есть?
Вопрос прозвучал настолько обычно, что я сам удивился.
Лёха молча открыл тумбочку, достал книгу и бросил её мне на кровать.
Я поднял её.
На обложке было написано:
«Гарри Гаррисон. Фантастические миры».
Название меня немного смутило.
Фэнтези я всегда любил.
Сказочные миры, магия, приключения - всё это было мне близко.
А вот с фантастикой отношения складывались сложнее.
Космос, технологии, инопланетные цивилизации никогда особо меня не увлекали.
Но выбора особо не было.
Я открыл первую страницу.
И именно в этот момент из коридора раздался знакомый звонкий голос.

Той самой дородной санитарки, которая совсем недавно отправляла меня обратно в палату.

- Обед! Все по палатам!

Я закрыл книгу.

Кажется, в этой больнице даже еда происходила строго по расписанию.

Как, впрочем, и всё остальное.

Глава пятая. Обед

Голода я не ощущал.

Странно, но вместо голода испытывал живой интерес.

Что же здесь будет на обед?

И как вообще всё устроено?

До этого момента я успел узнать, что в психиатрической больнице есть свои правила, свои порядки и даже собственная система курения. Теперь предстояло познакомиться с местной кухней.

На обед вызывали по палатам, поэтому ожидание я провёл, как обычно, в собственных мыслях.

И вдруг понял одну странную вещь.

Я не спросил, когда меня выпишут.

Вообще.

Этой мысли даже не возникло.

Это было странно.

Обычно я контролировал всё.

Планы.

Сроки.

Задачи.

Кроме, пожалуй, времени, проведённого на унитазе. Тут я всегда придерживался философии: есть вещи, которые не требуют учёта.

А сейчас меня совершенно не интересовало, сколько я пробуду здесь.

Зато отсутствие привычной тревоги одновременно радовало и удивляло.

Именно удивляло, а не пугало.

Потому что страха я не испытывал вообще.

Никакого.

Ещё меня удивил странный металлический привкус во рту.

Я подошёл к раковине.

Сплюнул.

Слюна выглядела совершенно обычно.

Я решил попить воды.

Сделал несколько глотков.

И тут меня вырвало.

В этот момент я понял, откуда был этот привкус.

Кровь.

Я посмотрел на раковину.

Умылся.

Вытер лицо.

И сел обратно на кровать.

Почему-то я был совершенно уверен, что со мной всё нормально.

Возможно, потому что тревога, много лет отвечавшая за все внутренние тревожные сирены, в этот день взяла отгул.

Ход моих мыслей оборвал крик из коридора:

- Одиннадцатая палата!

Парни начали вставать.

Я отметил про себя:

«Моя палата - одиннадцатая».

Странно.
Ещё утром я не знал даже, где нахожусь.
А теперь у меня уже был дом.
Мы пошли по коридору.
В конце была массивная дверь.
На ней табличка:
«Столовая».
Внутри меня удивили большие окна.
Без решёток.
Такие же, как и остальные окна в этом коридоре.
Свет.
Обычные стены.
Обычные столы.
Если не учитывать контекст, всё выглядело почти нормально.
У окна раздачи стояла Галя.
Я взял две тарелки и кружку, на которой величественно покоились два куска хлеба.
Начался главный вопрос дня.
Что же здесь едят?
Первым был суп.
Я попробовал две ложки.
Соли не было.
Густоты тоже.
По сути, это была вода, которая когда-то слышала о существовании овощей.
Я поставил тарелку в сторону.
Второе.
Капуста с перемолотым фаршем.
Попробовал.
Соли тоже не было.
Вкус был настолько своеобразным, что мой желудок решил немедленно выразить своё
мнение.
Меня затошнило.
Я посмотрел на кружку.
Компот.
Наконец-то хорошие новости.
Я сделал глоток.
Сладкий.
Я даже немного обрадовался.
Хотел уже вставать.
Но Данил аккуратно остановил меня за руку.
Тихо сказал:
- Отдай кому-нибудь незаметно свою порцию.
Я посмотрел на него.
- Зачем?
Он наклонился ближе.
- Если увидят, что ты не ешь, скажут врачу. Подумают, что состояние нестабильное.
Пауза.
- И будешь тут до пенсии.
Я сел обратно.
Выводы были сделаны.

- Кто хочет добавки? - спросил я.
Через минуту мои тарелки исчезли.
Я остался сидеть за столом и внимательно наблюдал.
Люди были разные.
Как я уже заметил раньше.
Толстые.
Худые.
Молодые.
Старые.
У кого-то лицо было усталым.
Кто-то выглядел немного потерянным.
Но я не увидел здесь тех самых людей, которых привык представлять после фильмов и сериалов.
Никто не бегал по потолку.
Никто не разговаривал с люстрой.
Никто не выглядел так, будто его случайно выпустили из фильма ужасов.
Люди как люди.
Больница как больница.
Только одна вещь продолжала оставаться странной.
Почему я не волнуюсь?
Я вытер усы после компота.
Встал.
И пошёл обратно.
Путь до палаты оказался интереснее, чем я ожидал.
Я попал в тот самый поток людей, который утром наблюдал из дверного проёма.
Около двадцати человек двигались по коридору туда-сюда.
Кто-то разговаривал.
Кто-то спорил.
Кто-то просто ходил.
И самое удивительное - почти все здоровались со мной.
Махали рукой.
Спрашивали:
- Иван, как ты?
- Получше?
- Освоился?
Я остановился на секунду.
Я понял.
Я здесь свой.
И это было странно.
Потому что я ведь нормальный.
Или они нормальные?
А кто вообще решает, кто нормальный?
Что вообще такое - нормальный?
С этим вопросом я вернулся в палату.

Глава шестая. Баня

Насладиться книгой Гарри Гаррисона мне так и не удалось.

Не успел я толком устроиться после обеда, как в дверном проёме появился мальчишка лет шестнадцати.

Он протянул мне руку.

- Никита.

Мы поздоровались.

- Мыться пойдёшь? У нас сегодня баня.

Честно говоря, к этому моменту я чувствовал себя достаточно грязным молодым человеком и не смог отказать себе в удовольствии помыться.

Баней оказалась та самая ванная, в которой я недавно курил с Галей.

В прошлый раз мне было не до интереса. Теперь появилась возможность рассмотреть его внимательнее.

В комнате находились две душевые, разделённые невысокой перегородкой. Стены были облицованы плиткой неопределённого грязно-зелёного цвета, будто она много лет старательно впитывала в себя всё происходившее в отделении.

Под самым потолком красовалось маленькое окно с решёткой.

Это сразу бросилось мне в глаза.

На огромных окнах в коридоре решёток не было. Зато крошечное окно под потолком, в которое физически невозможно было пролезть, решили защитить особенно тщательно.

Рядом находилась небольшая хозяйственная комнатка. Там стояла ванна для стирки, хранились вёдра, швабры и прочие принадлежности местного быта.

Как объяснил Никита, каждый день мыли одну из палат. Дополнительно приглашали тех, кто тоже хотел совершить омовение и успевал попасть в число счастливчиков.

Из средств гигиены мне достался казённый шампунь.

По консистенции он больше всего напоминал зелёные сопли.

Он совершенно не пенился.

Через несколько минут мне даже показалось, что я сам слегка позеленел.

Никита сразу провёл для меня краткий инструктаж.

- Тапочки не снимай. Грибок подцепишь сто процентов.

Я послушно кивнул.

- И общими мочалками не пользуйся. Они, конечно, чистые. Но тут бывают такие болезни, которые даже ядерным ударом не выведешь.

Уточнять подробности я не стал.

Пока я мылся, мы разговаривали.

Оказалось, санитарки разрешили мне прийти в баню, но попросили Никиту на всякий случай за мной присмотреть.

Всё-таки я был суицидником.

Сам Никита находился здесь уже восьмой год и проходил принудительное лечение.

Причина, по которой он сюда попал, не относится ни к этой истории, ни вообще к кому-либо, кроме него самого. Поэтому рассказывать её я не стану.

Ему оказалось не шестнадцать, а двадцать четыре.

Просто выглядел он очень молодо.

Открытый, весёлый, улыбчивый парень, который всё ещё искал новых людей, новых впечатлений и верил в светлое будущее.

Самое удивительное - за семь с половиной лет в этом учреждении он не потерял ни надежды, ни рассудка.

Сейчас я понимаю, что именно Никита сыграл одну из главных ролей в том, что я не стал частью местного интерьера.

Когда мы закончили, он протянул мне сигарету.

- Не ссы, Ваня. Всё будет нормально. Я тебе расскажу и покажу, как здесь всё устроено. И всё у тебя будет замечательно.

Мы покурили и вышли.

Так я узнал ещё одно правило этого заведения.

Сигареты пациентов хранились у персонала, а те, что выдавали за работу, можно было выкурить сразу или приберечь.

На практике парни иногда делились друг с другом тем, что сумели сохранить.

Глава седьмая. Очки

После бани Никита предложил мне посмотреть телевизор.

Я отказался.

Телевизор я и на свободе почти не смотрел. Максимум - какой-нибудь сериал. Иногда слушал подкасты. Но телевизор как способ получения информации давно и решительно отрицал.

- Я лучше немного отдохну и почитаю, - сказал я.

Этим я почему-то сильно удивил парней.

Вернувшись в палату, я сел на койку и снова вспомнил, что нахожусь без очков.

Вообще-то я заметил это ещё утром. Даже успел подумать, что неплохо было бы попросить их принести.

Потом мысль куда-то исчезла, уступив место сигаретам, обеду, бане и новым знакомым.

Теперь же отсутствие очков снова стало очевидным.

Я вышел в коридор, подошёл к сотрудницам и попросил принести их из моих вещей.

Через некоторое время очки мне отдали.

Мир сразу приобрёл границы.

Лица стали лицами.

Картины на стенах - картинами.

А дверной проём перестал быть просто светлым прямоугольником, внутри которого постоянно мелькали люди.

Я лёг на койку, открыл Гарри Гаррисона и почти сразу понял, что читать всё равно не получится.

Теперь проблема была не в зрении.

В том самом коридоре, по которому бесконечным потоком сновали люди, было слишком шумно.

Кто-то смеялся.

Кто-то спорил.

Кто-то рассказывал свою историю.

Я постоянно отвлекался на чужие разговоры. Невольно вслушивался и пытался разобраться, о чём говорят проходившие мимо люди.

Один парень лет пятнадцати с огромным упоением рассказывал своему собеседнику о своих заболеваниях, о том, как сюда попал, какой тяжёлый вокруг мир и как его никто не понимает.

Потом речь зашла о девушке.

Потом об играх.

Он напоминал мне самого себя в подростковом возрасте. С той лишь разницей, что я тогда в подобных заведениях не оказывался.

Впрочем, слышал я его обрывками.

Пока он проходил мимо дверного проёма, голос звучал отчётливо. Потом парень скрывался за толстой стеной, и половина слов мгновенно исчезала.

Получалось радио с постоянно пропадающим сигналом.

В какой-то момент в палату вошли двое явно немолодых мужчин.

Оба невысокие.

Худощавые.

С крепкой щетиной и заметной растительностью на руках.

Они были настолько похожи друг на друга, что напомнили мне гномов из «Властелина колец». Только без бород и топоров.

Будто природа однажды сделала одного человека, осталась довольна результатом и решила повторить.

Один был одет не по больничной форме - в чёрную толстовку и чёрные штаны.

На втором была такая же клетчатая пижама, как у меня. Только не синяя, а красная.

Мужчина в чёрном повернулся к своему спутнику и радостно объявил:

- Лёша, я тебя познакомлю со своим другом Иваном.

Я немного опешил.

Не из-за самого знакомства.

Человек, которого я совершенно не помнил, уже называл меня своим другом.

Получалось, что за два дня, полностью выпавших из моей памяти, я успел обзавестись здесь приятелями.

С моей стороны дружба пока выходила несколько односторонней: человек уже считал меня другом, а я только начинал выяснять, как его зовут.

Раньше сам факт подобного знакомства наверняка вызвал бы у меня сильную настороженность. К людям с заметными особенностями я относился излишне осторожно.

Теперь же почему-то было спокойно.

Мужчина в красной пижаме подошёл ко мне, не протягивая руки, внимательно осмотрел снизу вверх и сказал:

- Ого, Саша. Какой у тебя большой и необычный друг.

Так я узнал, что мужчину в чёрном зовут Саша, а его товарища - тоже Лёша. Один Лёша уже лежал со мной в палате. Теперь появился второй.

- Как ты себя чувствуешь, Иван? - спросил Саша.

Саша произнёс моё имя так серьёзно, будто обращался не ко мне, а к человеку значительно важнее.

Обычно я всегда представлялся Ваней. Даже на работе.

Но его торжественный тон почему-то хотелось поддержать.

Я сам протянул руку Лёше.

- Здравствуй, Лёша. Меня зовут Иван.

Он осторожно пожал её.

- А меня невеста ждёт, - сообщил Саша. - Меня скоро выпишут, я поеду обратно в интернат, и мы будем играть свадьбу с моей Оксаночкой.

Он посмотрел на меня совершенно серьёзно.

- Ты ведь приедешь к нам на свадьбу?

- Конечно, Саша. Обязательно приеду. И привезу большой-пребольшой торт.

Они оба очень обрадовались.

То ли торту.

То ли тому, что я согласился приехать.

Тут сложно было понять.

Через минуту два приятеля почти вприпрыжку вышли из палаты.

Я снова посмотрел в книгу.

Попробовал прочитать несколько строк.

Не получилось.

Тогда я отложил Гаррисона и стал рассматривать картины на стенах.

Теперь я хотя бы мог их разглядеть.

Но сосредоточиться всё равно не получалось.

Я был слишком бодр.

Настолько бодр, что мысли не задерживались ни на чём дольше нескольких секунд.

Всё вокруг одновременно привлекало моё внимание.

Разговоры.

Шаги.

Движение в коридоре.

Шорох одежды.

Чьи-то лица.

Очки сделали мир чётче.

Тише он от этого не стал.

Глава восьмая. Ужин

Следующие несколько часов прошли за созерцанием людей, бесконечным потоком проходивших мимо нашей палаты.

Усталость так и не появилась.

Тревога тоже не вернулась.

Иногда заходили парни. Мы о чём-то разговаривали, но ничего особенно выдающегося уже не происходило.

Впрочем, после всего увиденного за этот день шокировать меня было сложно.

Я постепенно переставал чему-либо удивляться.

В какой-то момент по коридору разнёсся уже знакомый зычный голос:

- Ужин! Все по палатам!

Порядок оказался тем же, что и в обед.

Сначала всех разогнали по палатам, затем начали вызывать по очереди.

Когда дошла очередь до одиннадцатой, мы отправились в столовую.

Стоя перед раздаточным окошком, я заметил прикрепленный справа лист бумаги.

Меню.

Теперь у меня были очки, поэтому я наконец мог прочитать, чем именно нас собираются кормить.

Выглядело многообещающе:

Салат овощной.

Картофель, тушённый с курицей.

Омлет.

Во мне даже проснулось что-то похожее на аппетит. Он осторожно выглянул, оценил обстановку и пока не решил, стоит ли возвращаться окончательно.

Кажется, пришло время поесть.

Однако и здесь меня ждал сюрприз.

Во-первых, тарелка была всего одна.

Во-вторых, кружка компота оказалась наполнена лишь наполовину, что при моих двух метрах роста выглядело несколько несерьёзно.

Но больше всего меня рассмешило содержимое тарелки.

Ужин из трёх заявленных блюд представлял собой единую массу, внутри которой одновременно покоились капуста, свёкла, картошка, курица и яйцо. Все пункты меню присутствовали честно, просто утратили государственные границы.

Возможно, повара решили, что желудок всё равно всё перемешает, и провели предварительную интеграцию продуктов ещё на кухне.

Соли, разумеется, не было.

Выглядело блюдо отвратительно.

На вкус оказалось ещё хуже.

На обеде меня уже обучили правильному поведению, поэтому я аккуратно предложил свою порцию соседу.

Тот согласился без лишних вопросов.

Я съел кусок батона, запил его половиной кружки компота и отправился обратно в палату.

Дойти до неё я не успел.

- А зубы чистить?

Меня перехватили в коридоре и выдали зубную щётку.

Я послушно отправился чистить зубы.

Вернувшись, снова попытался пойти в палату.

Не получилось.

На этот раз меня позвали на уколы.

Всё происходило настолько быстро, что я не успевал реагировать на смену событий.

Только что я ужинал.

Потом чистил зубы.

Теперь уже стоял перед медсестрой, задрал край пижамной рубашки.

Укол оказался почти безболезненным.

- Хорошее снотворное, - сказала медсестра. - Сейчас ляжешь и поспишь.

Как мне объяснили, такие уколы первые четыре дня после поступления делали всем новичкам.

Я поблагодарил её и наконец вернулся в палату.

Мне оставалось только лечь и уснуть.

По крайней мере, именно так всё должно было произойти.

Но ночь предстояла очень длинная.

Об этом я узнал чуть позже.

Глава девятая. Первая ночь

Я лежал и смотрел в потолок.
Мы ещё некоторое время о чём-то перешёптывались с парнями, но разговор постепенно затих.

Сначала засопел один.

Потом второй.

Через несколько минут палату заполнил разнокалиберный храп.

Кто-то посвистывал.

Кто-то тяжело втягивал воздух.

Кто-то издавал такие звуки, будто всю ночь пытался завести старый мотоцикл.

А ко мне сон не приходил.

Я по-прежнему чувствовал какую-то ненормальную бодрость.

Снотворный укол, судя по всему, соблюдал врачебную тайну и предпочитал не сообщать организму о своём назначении.

Я лежал, слушал чужое дыхание и постепенно начал считать.

В себя я пришёл примерно в час дня.

С тех пор не сомкнул глаз ни на минуту.

Морально я чувствовал себя вымотанным.

Физически - совершенно нет.

Ни тяжести в теле.

Ни сонливости.

Ни обычного вечернего ощущения, когда голова начинает медленно выключаться.

Только ясность. Ненормальная, режущая, как слишком яркий свет в комнате, где давно никто не открывал шторы.

Слишком резкая и неприятная.

Часы тянулись мучительно медленно.

В какой-то момент я решил выйти в коридор.

Сразу же получил выговор от санитарки.

Оказалось, ночью ходить по отделению нельзя.

Разreshалось только в туалет.

Я вернулся в палату, сел на кровать и снова открыл Гарри Гаррисона.

Прочитал несколько строк.

Не понял ни одной.

Начал сначала.

Результат не изменился.

Тогда я отложил книгу.

И именно в этот момент на меня впервые по-настоящему навалились мысли.

Что должно было произойти, чтобы я решил покончить с собой?

До этого подобные мысли меня никогда не посещали.

По крайней мере, таким я себя помнил.

Значит, произошло что-то настолько страшное, что другого решения я не увидел.

Может быть, я кого-то убил.

Может быть, сбил человека.

Может быть, натворил что-то, после чего уже невозможно было вернуться к нормальной жизни.

Версий становилось всё больше.

Ни одна не казалась убедительной.

Но ни одну я не мог окончательно отбросить.
Днём неизвестность вызывала у меня скорее любопытство.
Теперь, в темноте, любопытство постепенно превращалось в страх.
Не в привычную тревогу, которая начинается где-то внутри и медленно заполняет всё тело.

Это было другое.

Я боялся не того, что может произойти.

Я боялся узнать, что уже произошло - и что человеком, который это сделал, был я.

А ещё я думал о ней.

Когда-то она сказала мне:

- Я без тебя не смогу.

И теперь я не знал, всё ли с ней в порядке. Это неизвестное болело сильнее желудка, судорог и крови, хотя у него не было ни места, ни диагноза.

Может быть, что-то случилось именно с ней.

Может быть, я сделал что-то, чего сам не смог пережить.

Может быть, она стала причиной.

Или я стал причиной для неё.

Я решительно ничего не понимал.

Я знал, что никогда не был святым человеком.

Обманывал других.

Обманывал её.

Обманывал самого себя.

В памяти всплывали события двухмесячной давности.

Полугодовой.

Годовой.

Отдельные разговоры.

Чужие лица.

Фразы, которые когда-то казались неважными.

Последние две недели отсутствовали полностью. Не туман, не отдельные провалы - аккуратно вырезанный кусок жизни. Ни одного события, ни одного разговора, ни одного обрывка.

Поэтому я перебирал всё, что было раньше, пытаюсь найти тот самый момент, после которого всё должно было разрушиться.

Но ничего не находил.

Были проблемы.

Были ошибки.

Были вещи, которыми я не гордился.

Но ведь должны были оставаться другие решения: люди, которым можно позвонить, врачи, возможность попросить о помощи, хоть что-нибудь, кроме попытки исчезнуть.

И от мысли, что я их не увидел, становилось страшнее, чем от мысли, что я мог умереть.

Ночь продолжалась.

Я всё так же сидел на кровати.

Не чувствовал ни капли усталости.

Только бодрость, которая теперь казалась не преимуществом, а симптомом.

За ночь меня ещё пару раз вывало кровью.

Ноги сводило судорогой.

Это должно было пугать.

Но собственное тело я почему-то продолжал воспринимать как ещё одну странность этого отделения.

Примерно как шампунь, который не пенился.

Или двери без ручек. Только тело, в отличие от дверей, принадлежало мне - хотя в ту ночь это ощущалось не особенно убедительно.

По-настоящему меня волновал только один вопрос.

Что случилось с ней?

Глава десятая. Понедельник

Понедельник начался примерно в шесть утра.

Я всё ещё сидел на кровати, когда в палату вошла санитарка.

Она посмотрела на меня.

- А ты чего не спишь?

- Не спится.

Ответ её вполне устроил.

Она подошла к соседней койке и разбудила Лёху.

- Вставай. Дедов переодевать.

Лёха поднялся без лишних вопросов.

Я тоже встал и пошёл следом.

Во-первых, спать мне всё равно не хотелось.

Во-вторых, других занятий в шесть утра в психиатрической больнице мне пока никто не предложил.

Так я познакомился с местным утренним променадом.

Каждое утро нужно было обойти лежащих пациентов, проверить подгузники и при необходимости привести людей в порядок: переодеть, помыть или хотя бы протереть влажными салфетками.

Потом тех, кто мог сидеть, следовало подготовить к завтраку и отвезти в столовую.

К семи часам все должны были быть готовы.

Работа была не самой приятной, но ничего принципиально нового я в ней не увидел.

Опыт обращения с подгузниками у меня уже имелся.

Правда, раньше их владельцы были значительно меньше и гораздо активнее сопротивлялись.

Здесь всё происходило почти молча.

Санитарки работали быстро и буднично. Лёха знал, кому что нужно, где лежит чистая одежда и кого следует сначала повернуть на бок.

Я старался не мешать и делал то, что мне говорили.

Через некоторое время все были умыты, переодеты и готовы к завтраку.

После работы нас отвели в ванную.

Ту самую, которая здесь одновременно служила баней, курилкой и, вероятно, местом для решения большинства бытовых вопросов.

Каждому выдали по сигарете.

Даже мне.

Судя по всему, участие в утреннем обходе автоматически делало меня заслуженным работником отделения.

Мы покурили и отправились завтракать.

На завтрак была овсяная каша.

Без соли.

Без сахара.

Возможно, без каких-либо других признаков участия человека в её приготовлении.

Чай по вкусу напоминал воду после мытья полов, которой перед подачей дали немного настояться.

Разумеется, я не мог знать, какова на вкус вода после мытья полов.

Но теперь у меня появилось достаточно убедительное предположение.

После завтрака в коридоре включили большую кварцевую лампу.

Всех пациентов разогнали по палатам и велели не выходить.

Лампа была таких размеров, что рядом с ней хотелось не спорить, а заранее подписать согласие на равномерное обеззараживание души и внутренних органов.

Кроме того, происходила смена караула.

Ночные санитарки и медсёстры собирались домой. Им на смену приходили дневные.

В коридоре появились новые лица. Передавались ключи, звучали фамилии, номера палат и короткие отчёты о событиях прошедшей ночи.

Рассказывать обо мне было особенно нечего.

Я не спал.

Несколько раз ходил в туалет.

А в шесть утра добровольно пошёл менять подгузники незнакомым людям.

Понедельник начинался вполне продуктивно. К восьми утра я не спал уже почти сутки, успел поработать санитаром и получил сигарету вместо трудовой книжки.

Глава одиннадцатая. Кто я - III

Через некоторое время по коридору разнёсся совершенно незнакомый мне, но не менее привычный голос:

- Все по палатам! Обход!

Честно говоря, этого можно было и не говорить.

Все и так сидели по палатам. После кварцевания коридор временно принадлежал медицине, ультрафиолету и людям с ключами.

Я сидел на койке и смотрел в дверной проём.

Вскоре в палату вошёл мужчина в белом халате.

Внешность у него была немного странная - не пугающая, просто такая, будто профессия психиатра постепенно проступила у него на лице.

Примерно так я когда-то и представлял себе психиатров.

Когда я учился в институте - на психолога, между прочим, - у нас проходила практика в психиатрической больнице другого города.

Все врачи, которых я там видел, почему-то казались родственниками по профессиональной линии: одинаково усталые, внимательные и чуть-чуть находящиеся не здесь.

Этот мужчина из общей картины не выбивался.

Как я понял, это и был заведующий отделением, которого обещала Галя.

Он подошёл ко мне.

- Иван Олегович, здравствуйте. Как вы себя чувствуете?

- Спорно.

Он внимательно посмотрел на меня.

Я сказал, что совершенно не помню последних двух недель до поступления.

Вообще ничего.

Не отдельные события и не какие-то фрагменты - весь этот отрезок отсутствовал в памяти полностью.

О пятнице и субботе, которые я провёл уже в отделении и тоже не помнил, я промолчал.

Совет Ястреба по-прежнему казался разумным.

Я попросил хоть каких-нибудь разъяснений.

И попросил разрешить мне позвонить маме.

- Вы уже разговаривали с ней в пятницу, - ответил врач. - Вам давали телефон.

Я об этом не знал.

Получалось, что я говорил с собственной матерью, слышал её голос, возможно, что-то обещал или успокаивал - но для меня этого разговора не существовало. У неё уже была версия меня, прожившая пятницу. У меня её не было.

- Я хотел бы поговорить с ней ещё раз. Лично. То есть так, чтобы потом это помнить.

Врач сказал дожидаться окончания обхода.

- Я вас приглашу, и мы спокойно поговорим.

Он перешёл к остальным пациентам.

Я остался сидеть на койке.

Теперь к списку неизвестных событий добавился ещё и разговор с мамой.

Через некоторое время врач снова заглянул в палату.

- Иван Олегович, пройдёте.

Я пошёл за ним.

Когда мы остались вдвоём, я задал вопрос, который волновал меня сильнее всех остальных.

- Что именно со мной произошло? И как я вообще здесь оказался?

История оказалась следующей. Врач рассказывал её ровным голосом, как будто зачитывал сводку о человеке, которого я должен был знать.

Двадцать восьмого мая я поругался с супругой, которая к тому моменту уже практически стала бывшей, и куда-то уехал.

Меня искали двое суток.

За эти двое суток я дважды пытался уйти из жизни.

Обе попытки закончились тем, что я остался жив, но за помощью не обратился.

После этого я несколько дней почти не появлялся дома.

Потом снова пропал - ещё на двое суток.

На этот раз состояние стало критическим.

Некоторое время я оставался один.

А потом сам вызвал скорую.

Сам сказал, что не могу больше контролировать ситуацию.

Сам попросил отвезти меня в психиатрическую больницу, потому что мне нужна помощь.

Я слушал врача и не узнавал человека, о котором он рассказывал. Он уезжал, прятался, снова исчезал и шаг за шагом доводил себя до состояния, из которого уже не мог выбраться сам, - и носил моё имя так уверенно, будто имел на него больше прав, чем я.

Формально этим человеком был я.

Но в моей памяти его не существовало. Он оставил мне тело, последствия и две недели пустоты, а сам куда-то исчез.

- Это всё, что вы можете мне рассказать?

- На данный момент - да.

- А маме я сегодня позвонить смогу?

Он покачал головой.

- Звонки по пятницам. Раньше мы дать телефон не можем.

Оставался ещё один вопрос.

- Когда меня выпишут?

- Две недельки полежите. Посмотрим за вашим состоянием. Если всё будет хорошо - пойдёте на выписку.

От услышанного легче не стало. Я получил ответы, но они были похожи на детали от чужого механизма: тяжёлые, холодные и совершенно непонятно, куда их теперь прикручивать.

Скорее наоборот.

Вопросов появилось ещё больше.

Теперь мне нужно было как-то прожить следующие четыре дня до пятницы.

Тогда я смог бы дозвониться до мамы или хотя бы до человека, который объяснит, что я всё-таки натворил.

Поведение врача казалось мне странным.

Он отвечал спокойно и вежливо.

Но меня не покидало ощущение, что он что-то от меня скрывает. Или, что было ещё хуже, бережно выдаёт правду маленькими порциями, потому что целиком я её пока не выдержу.

Глава двенадцатая. Бригада

Оставшееся до четырёх часов время прошло без особых происшествий.

До этого момента в больнице находился старший медицинский состав, поэтому все старалисьшний раз не выходить из палат. Присутствие врачей действовало на отделение примерно так же, как приезд директора на завод: работа шла своим чередом, но курить за складом временно переставали.

Я снова взялся за Гарри Гаррисона.

Книга оказалась странноватой. Научную фантастику я никогда особенно не любил, но постепенно втянулся. Рассказывать о ней сейчас не буду, однако порекомендую каждому, кто захочет найти для себя что-нибудь новое и интересное.

Особенно если все остальные доступные развлечения - смотреть в потолок или наблюдать за чужими ногами в дверном проёме.

В два часа был обед.

Такой же отвратительный, как завтрак и ужин предыдущего дня.

Что именно подавали в мой первый больничный обед, я уже не помнил. В памяти остался только суп - вода, которая когда-то слышала о существовании овощей.

Теперь передо мной снова поставили какую-то похлёбку и второе блюдо неопределённого происхождения.

Наличие очков позволяло рассмотреть еду значительно лучше.

К сожалению, преимуществом это не оказалось.

Я съел хлеб, выпил компот и отдал основную часть обеда тем, кому она была нужнее. В отделении быстро выяснилось, что почти у любой еды найдётся человек, готовый принять её без лишних вопросов.

Внутреннее спокойствие никуда не исчезало.

Излишняя бодрость - тоже.

Единственное новое обстоятельство сообщил мне Богдан.

- Ты ведь не только сегодня не спал, - сказал он. - Ты с самого приезда не спишь.

По его словам, в пятницу и субботу я тоже практически не сомкнул глаз.

Получалось, что я вступал уже в четвёртые сутки бодрствования.

А если предположить, что перед госпитализацией я тоже какое-то время не спал, арифметика становилась ещё менее приятной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.